

Осмысление теории эволюции в богословии В.Д. Кудрявцева-Платонова

Александр В. Храмов

Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН, Москва, Россия;

*Общecerковная аспирантура и докторантура
им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия,
Москва, Россия, a-hramov@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается отношение В.Д. Кудрявцева-Платонова, видного отечественного философа и богослова XIX в., к теории эволюции. Показано, что Кудрявцев признавал совместимость эволюционизма и гипотезы самозарождения жизни с представлением о Божественном замысле. Кудрявцев также считал, что идея мирового развития позволяет примирить существование зла с верой во всеблагость Творца и ответить на критику в адрес христианского антропоцентризма. Кудрявцев симпатизировал витализму и отстаивал понятие жизненной силы, которое могло бы лечь в основу телеологического понимания эволюции, альтернативного по отношению к дарвинизму. Все эти взгляды Кудрявцева напоминают позицию теистических эволюционистов, пытавшихся найти компромисс между теорией эволюции и христианским мировоззрением и одновременно критически настроенных по отношению к дарвиновской концепции естественного отбора. Но несмотря на близость к теистическому эволюционизму в ряде вопросов, Кудрявцев так и не стал приверженцем учения о творении через эволюцию, а на протяжении 20 с лишним лет продолжал отстаивать идею множественных творений в духе Л. Агассиса. Под мировым развитием Кудрявцев понимал не эволюцию, то есть преобразование одних видов в другие, а последовательность вмешательств Бога в историю Земли с целью создания живых существ, соответствующих физическим условиям различных геологических эпох.

Ключевые слова: теистический эволюционизм, религиозная философия, теодицея, витализм, креационизм, панпсихизм, апологетика

Для цитирования: Храмов А.В. Осмысление теории эволюции в богословии В.Д. Кудрявцева-Платонова // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2026. № 2. С. 66–84. DOI: 10.28995/2658-4158-2026-2-66-84

Reception of evolutionary theory in theology of V.D. Kudryavtsev-Platonov

Aleksandr V. Khramov

*Borissiak Palaeontological Institute of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Saints Cyril and Methodius Institute for Postgraduate Studies,
Moscow, Russia, a-hramov@yandex.ru*

Abstract. The article examines the attitude of V.D. Kudryavtsev-Platonov, a prominent Russian philosopher and theologian of the 19th century, toward the theory of evolution. It is shown that Kudryavtsev acknowledged the compatibility of evolutionism and the hypothesis of spontaneous generation of life with the idea of Divine providence. He also believed that the concept of world development makes it possible to reconcile the existence of evil with faith in the all-good Creator and to respond to criticisms of Christian anthropocentrism. Kudryavtsev was sympathetic to vitalism and advocated for the concept of a vital force, which, in his view, could serve as the foundation for a teleological understanding of evolution alternative to Darwinism. These views closely resemble the position of theistic evolutionists, who sought a compromise between the theory of evolution and the Christian worldview, while remaining critical of Darwin's concept of natural selection. Nevertheless, despite this affinity with theistic evolutionism in several respects, Kudryavtsev never became a proponent of the doctrine of creation through evolution. For over twenty years, he continued to uphold the idea of multiple creations in the spirit of L. Agassiz. By "world development," Kudryavtsev meant not evolution as the transformation of one species into another, but rather a sequence of divine interventions in Earth's history aimed at creating living beings suited to the physical conditions of various geological epochs.

Keywords: theistic evolutionism, religious philosophy, theodicy, vitalism, creationism, panpsychism, apologetics

For citation: Khramov, A.V. (2026), "Reception of evolutionary theory in theology of V.D. Kudryavtsev-Platonov", *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, no. 2, pp. 66–84, DOI: 10.28995/2658-4158-2026-2-66-84

Профессор Московской духовной академии Виктор Дмитриевич Кудрявцев-Платонов (далее – Кудрявцев; 1828–1891) был одним из самых ярких представителей православной духовно-академической мысли XIX в.. По мнению некоторых исследователей, «масштаб его таланта не уступал творческому гению В.С. Соловьева» [Пишун 1996, с. 216]. Тем не менее Кудрявцев не удостоился того широкого признания, какое выпало на долю многих представителей русской религиозной философии. Как справедливо отмечал свящ. Василий Зеньковский, «вся напряженная и бурная жизнь

в России времени Кудрявцева словно не замечала его, проходила мимо его построений»¹.

В последние годы Кудрявцев был «открыт» заново, регулярно публикуются исследования, посвященные его философскому наследию и наработкам в области рационального богословия [Лушников 2024; Рожин 2024; Карпов 2024]. Но одна из важных тем в творчестве Кудрявцева, к которой он возвращался на протяжении всей своей жизни, до сих пор не становилась предметом специального рассмотрения. Я говорю о богословском осмыслении теории эволюции, которое было предложено в работах Кудрявцева.

Широкая популярность, завоеванная эволюционизмом во второй половине XIX в., стала одним из серьезнейших вызовов для христианской религии. Теория эволюции напрямую затрагивала традиционное понимание первых трех глав книги Бытия, а также представления о степени Божественного участия в формировании Земли и живущих на ней биологических видов. Кудрявцев не мог пройти мимо столь животрепещущей темы, тем более что начало эпохи Дарвина в биологии совпало с началом его академической карьеры. В 1858 г. Кудрявцев становится ординарным профессором Московской духовной академии (МДА), а уже на следующий год в Англии выходит «Происхождение видов» Ч. Дарвина. Русский перевод этого трактата, подготовленный С.А.Рачинским, вышел в 1864 г., но отечественная публика успела ознакомиться с ним еще раньше, главным образом по немецкому переводу Г. Бронна [Чайковский 1989].

Уже в 1860 г. Кудрявцев публикует свою первую крупную работу, посвященную эволюционизму — «О первоначальном происхождении на земле рода человеческого»². Ее название и тема перекликаются с названием магистерской диссертации Кудрявцева, «О единстве рода человеческого», опубликованной семью годами ранее³. Если в диссертации основное внимание Кудрявцев уделяет антропологии и этнографии, не рассматривая естественнонаучные гипотезы происхождения человечества, то главным героем статьи 1860 г. уже является не столько сам человек как биологический вид, сколько теория эволюции в целом. Правда, имя Чарльза Дарвина

¹ Зеньковский В. История русской философии. М.: Академический проект, Раритет, 2001. С. 509.

² Кудрявцев В. О первоначальном происхождении на Земле рода человеческого // Православное обозрение. 1860. № 2. С. 173–203; № 3. С. 326–362.

³ Кудрявцев В. О единстве рода человеческого: Свидетельства естественных наук // Прибавления к изданию творений Святых Отцов в русском переводе. 1853. Т. 12. С. 23–118.

в этой статье еще не фигурирует – в одном из примечаний Кудрявцев упоминает лишь его деда, эволюциониста Эразма Дарвина⁴.

Отдавая дань еще не забытым на тот момент натурфилософским концепциям первой половины XIX в., Кудрявцев наряду с эволюционизмом разбирает в статье 1860 года весьма экстравагантные теории самозарождения первых людей «в готовом виде». Среди обсуждавшихся им концепций была теория Лоренца Окена (1779–1851), предполагавшего, что человеческие эмбрионы могли возникнуть в океане и затем очутиться на берегу во время прилива. Также Кудрявцев осветил идеи врача и натуралиста Фердинанда Ритгена (1787–1867), согласно которому самый первый человек мог вырасти из-под земли подобно большому грибу. Такие теории самопроизвольного зарождения целых видов на рубеже новых геологических эпох в додарвиновскую эпоху действительно рассматривались как альтернатива креационизму, чему примером могут служить взгляды Карла Фогта [Rupke 2005].

Статья «О происхождении органических существ. Теория трансформации» (1883) – самое позднее из крупных прижизненно опубликованных произведений Кудрявцева на эту тему – резко контрастирует с текстом 1860 г. Натурфилософские учения о людях-грибах, вырастающих из почвы, там уже не обсуждаются ни в каком виде, превратившись к тому времени в совершенный анахронизм, зато теория Дарвина находится в фокусе внимания. Отталкиваясь от этих двух статей как от двух реперных точек в творческой биографии Кудрявцева, и рассмотрев другие его тексты, я попытаюсь реконструировать отношение этого богослова к теории эволюции и выяснить, поменялось ли оно за те 30 лет, на протяжении которых Кудрявцев был профессором МДА. Также я вкратце намечу точки пересечения взглядов Кудрявцева на эволюцию с позицией современных ему христианских авторов.

Идея развития как основание для теодицеи и антропоцентризма

Сначала я остановлюсь на тех аспектах мысли Кудрявцева, которые как будто свидетельствуют о его близости к теистическому эволюционизму, чьи последователи ставят знак равенства между эволюцией материи в широком смысле (включая формирование небесных тел) и процессом сотворения мира Богом. Именно такую форму чаще всего принимает компромисс между христианством

⁴ Кудрявцев В. О первоначальном происхождении на Земле рода человеческого // Православное обозрение. 1860. № 3. С. 327.

и теорией эволюции, и, на первый взгляд, Кудрявцев был вполне к нему благосклонен. Идея мирового развития была для Кудрявцева не просто фактом из области естественных наук, а одним из краеугольных камней его богословско-философской системы. На этой идее у Кудрявцева во многом держалась теодицея, и на нее же был завязан кудрявцевский антропоцентризм.

Кудрявцев сравнивал мировой процесс с развитием зародыша, органы которого закладываются уже на ранних этапах, но понадобятся ему лишь во взрослой жизни⁵. Другая метафора, используемая Кудрявцевым – это образ строящегося здания, окруженного строительными лесами⁶. Строительные леса могут создавать неудобства, но без них невозможно завершить постройку. «Мы можем предполагать, что некоторые явления и произведения природы, которых назначения теперь мы не знаем, имеют свою цель в будущих, еще неизвестных нам состояниях земного шара или вселенной. Природа не есть разом явившееся, законченное и неизменное целое, она имеет свою историю и идет путем последовательного развития, цикл которого не закончен»⁷. Кудрявцев подчеркивал, что в своей оценке мира мы должны помнить о его незавершенности – кажущиеся несовершенства Вселенной носят временный характер и не должны служить поводом для обвинений в адрес Творца.

Рассуждения Кудрявцева напоминают подход теистических эволюционистов к проблеме зла. Так, Роберт Чемберс, один из первых теистических эволюционистов, чьи взгляды были хорошо знакомы Кудрявцеву, обсуждая присутствие зла в творении всеблагого Бога, писал: «нынешняя система – это всего лишь часть целого, стадия великого прогресса»⁸. Согласно Чемберсу конечная цель мирового развития столь прекрасна, что она затмит все страдания и неурядицы, свойственные промежуточным этапам. По его мнению, со временем Земля станет более безмятежным местом, чем сейчас, что откроет возможности для появления «более благородного человеческого типа, который завершит собой зоологический цикл на планете, и воплотит в жизнь смелые мечты чистейших духов нынешней расы»⁹.

Кудрявцев отвергал подобные утверждения (их предвосхищал еще Лейбниц в своей «Теодицее») как чересчур утопические:

⁵ Кудрявцев-Платонов В.Д. Телеологическая идея и материализм // Православное обозрение. 1877. № 3. С. 501.

⁶ Там же. С. 502.

⁷ Там же. С. 501–502.

⁸ Chambers R. Vestiges of the natural history of creation. L.: John Churchill, 1844. P. 385.

⁹ Ibid. P. 276.

«только мечтатель может думать, что и это, представляющееся нам последним, духовно-органическое существо <человек> может преобразоваться в какое-нибудь новое, еще высшее существо»¹⁰. Но, хотя Кудрявцеву эволюционный трансгуманизм был чужд, его современники из числа православных богословов иногда высказывались вполне в духе Чемберса. Например, Александр Гусев (1845–1904), впоследствии профессор Казанской Духовной академии, писал: «Дисгармонисты позабывают, что в руках Провидения и в ходе мировой жизни, руководимой им, и дисгармония разрешается в чудную гармонию»¹¹. По мнению Гусева, с течением времени человеческое тело может подвергнуться эволюционному усовершенствованию, так что у людей исчезнут клыки, и их общее число зубов сократится с 32 до 28.

Идея развития помогает Кудрявцеву не только смягчить проблему зла, но и нейтрализовать возражения против антропоцентричного взгляда на мир, согласно которому целью существования Вселенной является человек (а также, возможно, разумные существа, обитающие на других планетах). Этому тезису критики обычно противопоставляют многочисленные феномены природы, бесполезные для человека и удовлетворения его нужд. Но такие нападки на антропоцентризм, по мнению Кудрявцева, исходят из устаревшего, статичного понимания Вселенной. На самом же деле, пишет богослов, «природа не представляет чего-либо готового, разом устроенного и неизменного, чтобы произвести те предметы, существа и явления, которые мы теперь видим, нужен был продолжительный процесс многоэтапного развития»¹². Все то, что кажется нам бесполезным и даже вредным, может быть остатками предыдущих этапов развития, без которых было бы невозможно появление человека. Например, «палеонтологическая флора и фауна конечно не имеют значения ни для природы, ни для человека теперь, но она имеет посредствующее значение как необходимый момент в истории природы, как средство, при помощи которого природа выработала настоящую флору и фауну»¹³.

¹⁰ Кудрявцев В. Телеологическое значение природы // Православное обозрение. 1878. № 2. С. 207.

¹¹ Гусев А. Фиктивный союз материализма с естествознанием // Православное обозрение. 1877. № 6–7. С. 494.

¹² Кудрявцев В. Телеологическое значение природы... С. 222.

¹³ Там же.

Эволюционизм и телеология

Кудрявцев настаивал, что представление о целесообразном устройстве мира, вытекающее из теизма, полностью совместимо с эволюционной теорией и гипотезой самозарождения жизни. «Даже при предположении относительной верности этих теорий <самозарождения и эволюции>, ни та, ни другая из них не только не исключают решительно телеологического начала, но даже необходимо должны допустить его»¹⁴. Даже если первые формы жизни появились из неорганической материи под действием законов химии и физики, без какого-либо вмешательства Творца, «то и в таком случае мы должны будем признать величайшую разумность и искусство в той многосложной, предварительной комбинации физических сил природы, которая сделала возможным появление столь искусно устроенных произведений, каковы организмы»¹⁵.

Вслед за Уильямом Пейли и другими приверженцами естественной теологии, Кудрявцев сравнивал живые организмы с часами. Искусное устройство часов наводит на мысль о существовании мастера и заставляет восхититься его инженерным гением. Но еще большее изумление, писал Кудрявцев, мы бы испытали при мысли о машине, которая «чисто механически, без помощи человеческих рук, вырабатывает сама собою множество часов ежедневно»¹⁶. Аналогичным образом, Вселенная, настроенная Богом так, чтобы без посторонней помощи порождать новые виды живых организмов, в наших глазах была бы еще более совершенным произведением инженерного искусства. При таком подходе представление о Божественном замысле переносится с отдельных живых существ на всю мировую систему, запрограммированную на их появление. «Самый механизм мира, способный произвести столь искусно устроенные произведения, не будет ли служить ясным свидетельством высочайшей разумности и целесообразности?»¹⁷

К подобным рассуждениям, призванным примирить эволюцию с аргументом от замысла, нередко прибегали и западные теистические эволюционисты. Они стремились перевести на эволюционный метауровень старую естественную теологию, сосредоточенную на отдельных деталях анатомии и физиологии. Например, англиканский священник и ботаник Джордж Генсло (1835–1925), чей отец, тоже священник и ботаник, был другом и учителем Дарвина,

¹⁴ Кудрявцев-Платонов В.Д. Телеологическая идея и материализм... С. 520.

¹⁵ Там же. С. 523.

¹⁶ Там же. С. 524.

¹⁷ Там же.

предлагал читателям представить часовых дел мастера, который пошел куда дальше, чем часовщик из «Естественной теологии» Пейли. Этот мастер создал карманные часы, которые не только умеют чинить и воспроизводить себя, но и подчиняются особому закону наследственной изменчивости, благодаря которому от этих часов со временем произойдут часы всех возможных размеров и конструкций, включая настенные и башенные¹⁸. Так что эволюция еще сильнее свидетельствует о премудрости Творца, чем постоянство видов.

Даже если понимать эволюцию чисто механистически, в дарвиновском смысле, как отбор случайных наследственных вариаций, определяемый факторами среды, то ее тоже можно было бы примирить с телеологией, используя логику Кудрявцева. Разве Вселенная, в которой такие слепые, стохастические процессы приводят к столь поразительным результатам, как человеческий мозг или крыло бабочки, не могла быть спроектирована Богом? Однако Кудрявцев не был готов сделать настолько сильную уступку материализму. Он настаивал, что эволюция не могла протекать под действием чисто физической необходимости, как движение воды в реке или выветривание гор. По его мнению, эволюция представляема, только если ей руководит какая-то сознательная, целенаправленная сила.

Отвергая дарвиновское объяснение эволюции, Кудрявцев, как и многие другие христианские авторы того времени, подчеркивал, что теория естественного отбора не может объяснить постепенное возникновение сложных органов. Наиболее убедительно этот аргумент был изложен английским католиком и биологом Сент-Джорджем Майвартом (1827–1900) в книге «Возникновение видов» (1871), которая стала весьма болезненным ударом для Дарвина. Майварт указывал, что если эволюция происходит постепенно, то сложные органы возникают не разом, а развиваются из зачаточного состояния путем медленных преобразований [Храмов 2015]. Но тогда получается, что на первых этапах эти органы не дают каких-либо преимуществ своему владельцу или могут даже ему мешать. Водоплавающим птицам, например, не будет никакого толка от недоразвитой перепонки на лапах. Следовательно, естественный отбор, принимающий во внимание только сиюминутную выгоду организма и не способный к долгосрочному планированию, не окажет никакого содействия сохранению перспективных признаков на начальном этапе их формирования.

¹⁸ *Henslow G.* The theory of evolution of living things and the application of the principles of evolution to religion. L.: Macmillan and Co., 1873. P. X–XI.

Совершенно непонятно, пишет Кудрявцев, какое значение «могли иметь ничтожные, зачаточные, так сказать, случайно возникшие особенности, которые могли стать заметными лишь по истечении многих генераций»¹⁹. Подобная критика в адрес дарвинизма часто встречалась на страницах тогдашних отечественных духовных журналов. Анонимный автор антиэволюционистской статьи, опубликованной двумя годами ранее в журнале «Христианское чтение», замечал: «Мы решительно не в состоянии понять, каким образом маленький прыщик на носу мог бы дать какому-нибудь животному “преимущество” в борьбе за существование, а между тем именно этим маленьким прыщиком должно было первоначально быть (по теории эволюции) то страшное орудие, которым обладает нынешняя пила-рыба»²⁰.

Убеденный в неспособности дарвинизма объяснить эволюцию при помощи естественного отбора, Кудрявцев указывал, что эволюционную теорию в широком смысле «можно только по недоразумению назвать материалистической»²¹. Эволюция предполагает «телеологическое действие природы», целенаправленный характер эволюционных изменений. В силу этого «ничтожная, случайно возникшая особенность, ввиду ее будущей полезности, сохраняется, постоянно передается по наследству, усовершенствуется с каждой генерацией, пока не разовьется в действительно нужный для животного орган»²². Случайно возникшие особенности, бесполезные на первом этапе, тем не менее передаются из поколения в поколение, постепенно совершенствуясь, как если бы некая сила учитывала долгосрочные интересы видов и работала на перспективу. Отсюда Кудрявцев делает вывод: «трансформация пород невозможна без предположения усложняющей ее разумной силы и не может быть объяснена из одних материальных условий»²³.

Витализм и жизненная сила

О какой же именно силе говорит Кудрявцев? Что именно является подлинным двигателем эволюционных изменений? Ответ на

¹⁹ Кудрявцев В. О происхождении органических существ: Теория трансформации // Прибавления к изданию творений Святых Отцов в русском переводе. 1883. Т. 31. С. 442.

²⁰ <Анонимный автор>. Идея творения и теория эволюции // Христианское чтение. 1881. № 5–6. С. 675.

²¹ Кудрявцев В. О происхождении органических существ... С. 463.

²² Там же.

²³ Там же. С. 467.

этот вопрос напрашивается из виталистских представлений, защите которых Кудрявцев посвятил в 1881 г. отдельную статью. Жизненная сила, присущая организмам, «аналогическая с разумною силою и волею человека, хотя и бессознательно действующая»²⁴ — это очевидный кандидат на роль того начала, которое целенаправленно ведет эволюцию по пути прогресса. И Кудрявцев это признает: «Нет лучшего метафизического объяснения для телеологически действующего в этой <эволюционной> теории начала, как предположение, что в основе как всей мировой, так и в частности и органической жизни, лежит общая, но в то же время бессознательно действующая субстанция»²⁵.

Защищая витализм, Кудрявцев указывал на невозможность искусственного синтеза отдельных клеток и сложных органических соединений (простые продукты метаболизма, такие как мочевина, к тому времени уже были получены лабораторным путем)²⁶. По мнению Кудрявцева, такая непреодолимая пропасть между неорганической материей и миром живого объясняется присутствием в нем жизненной силы, понимаемой как особая протопсихическая сущность, занимающая промежуточное положение между духовной и материальной сферами. Согласно Кудрявцеву, существование жизненной силы надо просто принять как факт, не задаваясь вопросом о ее природе и о том, что стоит за ее активностью. Точно так же физики оперируют понятием силы тяготения, но не могут сказать, почему тяготение существует, и не могут свести эту силу к элементарным механическим взаимодействиям²⁷. Витализм Кудрявцева переключался с построениями Г. Фехнера, Э. Гартмана и других спиритуалистски настроенных философов того времени. Наличие жизненной силы, пронизывающей весь строй живых существ и понимаемой как бессознательная воля, позволяло Кудрявцеву говорить об одушевленности природы: духовное бытие «простирается и далеко ниже человека, и признаки духовности являются и здесь, но только в менее совершенном, депотенцированном виде»²⁸. Хотя в связи с гипотезой самозарождения жизни Кудрявцев сравнивал мир с автоматическим станком, производящим часы, это было лишь условное допущение. В реальности Кудрявцев тяготел к совсем другому, органицистскому подходу. Природа для

²⁴ Там же. С. 454.

²⁵ Там же. С. 468.

²⁶ Кудрявцев В. Самостоятельность начала органической жизни // Прибавления к изданию творений Святых Отцов в русском переводе. 1881. Ч. 27. С. 452.

²⁷ Там же. С. 54, 64.

²⁸ Там же. С. 87.

Кудрявцева – не «огромный, многосложный механизм»²⁹, а живой организм. Нельзя сказать, что природа «только осуществляет предположенные Творцом ее идеи и планы, точно так же как искусно устроенная машина сама собою производит те явления, какие должна производить по мысли задумавшего ее механика»³⁰. Природный мир – это не только пассивная материя, но и активно действующее «я», стремящееся к осуществлению собственных целей. «Вместо мертвого, безжизненного механизма перед нами царство разума, затаенного в грандиозно-стройных массах природы неорганической, дремлющего и бессознательного в разнообразии существ органических и достигающего сознательности и высшего развития в человеке»³¹.

Такой органицистский взгляд, предполагающий, что Вселенная до определенной степени одушевлена и разумна, достаточно часто встречается у отечественных православных богословов 1870–1880-х годов. Например, архиепископ Никанор (Бровкович), гносеология которого строилась на концепции «космического разума», писал: «Частные организмы представляют не что иное, как живые нервные клетки общемирового космического организма»³². Ему вторил священник Григорий Дьяченко, выпускник МДА: «Мир не есть мертвый организм, но, если можно так выразиться, представляет собой, так сказать, живой организм сил и явлений. Мир не есть машина, действующая независимо от механика, по данным ей раз навсегда законам. Самый совершенный механизм есть ничто в сравнении с самым простым организмом. Высочайшему Разуму приличнее было создать организм, а не механизм, где участие Божие было бы излишне»³³.

Кудрявцев считал, что наличие целенаправленно действующей жизненной силы свидетельствует о существовании Верховного Автора всего мироздания. «Ограниченный, повсюду разлитый в природе разум указывает вдали, как на свое начало и вместе на последнюю и высочайшую цель, на Разум неограниченный и всесовершенный, на Творца мира»³⁴. Но надо сказать, что подобные представления об одушевленности природы, о стихийных волевых

²⁹ Кудрявцев-Платонов В.Д. Телеологическая идея и материализм... С. 67.

³⁰ Там же. С. 66.

³¹ Там же. С. 82.

³² Цит. по: Зеньковский В. Указ. соч. С. 530.

³³ Дьяченко Г.М., свящ. Отношение Бога к падшему человеку // Православное обозрение. 1884. № 2. С. 239.

³⁴ Кудрявцев-Платонов В.Д. Телеологическая идея и материализм... С. 82.

устремлениях во внечеловеческом мире, хотя и могут быть вписаны в христианское мировоззрение, тем не менее совершенно не обязательно предполагают теизм, как доказывает пример весьма популярного у православных апологетов Э. фон Гартмана³⁵. Этот философ критиковал дарвинизм и объяснял эволюционные закономерности действием бессознательного начала, но при этом отвергал существование всемогущего и всеблагого Творца. Тем не менее Кудрявцев, подобно другим православным авторам того времени, считал философов-спиритуалистов важными союзниками в борьбе против механистического материализма, который воспринимался как более серьезная угроза христианской вере по сравнению с различными версиями нетеистического идеализма. Кудрявцев полагал, что признание нематериальной жизненной силы, мотивированное научными соображениями, косвенно реабилитирует и христианские представления о Боге и душе, взламывая материалистическую парадигму.

Кроме того, постулирование жизненной силы как особого творческого начала, стоящего между Богом-Творцом и физическим миром, давало возможность снять с Бога обвинения в природном зле. В мире, понимаемом как слепой механизм, Бог является единственной действующей силой: именно Он «завел» мироздание и несет за него полную ответственность. Поэтому малейшие отклонения от целей, например, врожденные уродства, были бы аргументом против существования такого высшего и всесовершенного разума. Но если природой управляет бессознательно-разумная жизненная сила как особый, полунезависимый агент, то все потенциальные проблемы и огрехи можно списать на нее. Если беспилотное такси въехало в стену, то ответственность за это в полной мере несет его разработчик и создатель, если же такси управлял водитель, то аварию можно объяснить эксцессом исполнителя. В этой логике и рассуждает Кудрявцев: «явления отсутствия идеальной законченности и неудач органических образований именно и показывают, что органическая природа есть относительно самостоятельное, хотя и первоначально и происшедшее от Бога, начало; что в явлениях этой природы не действует творческая сила самого Божества непосредственно»³⁶.

³⁵ См.: Кирилович А. «Дарвинизм» перед судом философа Гартмана // Вера и разум. 1902. № 4. С. 176–202; № 5. 223–244.

³⁶ Кудрявцев В. Самостоятельность начала органической жизни... С. 78.

Прогрессивный креационизм вместо эволюционизма

Мы убедились, что в распоряжении Кудрявцева был весь необходимый концептуальный инструментарий для интеграции эволюционизма в христианское мировоззрение. Кудрявцев понимал, что представление об эволюции полностью совместимо с признанием целесообразного устройства мира, указывающего на Высший разум. Он также был убежден, что идея мирового развития помогает примирить существование зла с верой во всеблагость Творца. Понятие о жизненной силе, которым оперировал Кудрявцев, на тот момент выглядело убедительной альтернативой дарвиновской теории и позволяло представить эволюцию не как сцепление случайностей, а как исполнение плана, предначертанного Творцом. Наконец, с теистическим эволюционизмом Кудрявцев был хорошо знаком по анонимному произведению Р. Чемберса «Следы естественной истории творения», изданному в России в 1863 г. под названием «Естественная история мироздания» [Храмов 2021]. В своей статье 1883 года Кудрявцев не раз ссылается на эту книгу и содержащуюся в ней концепцию творения через эволюцию: «неизвестный автор думает держаться теистической точки зрения и представляет весь этот процесс развития совершавшимся по божественному устройению»³⁷.

Тем не менее Кудрявцев так и не перешел на позиции эволюционизма. По его словам, даже признав наряду с механическими факторами жизненную силу как основной импульс развития, «и в таком случае мы едва ли внесли бы в нее <эволюционную теорию> какое-либо существенное улучшение»³⁸. Почему же понятие жизненной силы, по мнению Кудрявцева, не может спасти эволюционизм? Потому что действия этой силы, замечает он, «строго очерчены известными пределами, различными для различных пород»³⁹. Жизненная сила действует по одному и тому же шаблону: она может отрастить раку клешню взамен оторванной, но никогда не превратит рака в какое-то другое животное. Жизненную силу, считает Кудрявцев, нельзя представлять как единую душу мира, скорее надо предположить «множественность различных самостоятельных начал органической жизни, по различию органических родов и видов»⁴⁰. Иными словами, у каждого вида имеется своя жизненная сила, которая не знает ничего о жизненной силе других видов. У этого множества жизненных сил нет единого плана, они

³⁷ Кудрявцев В. О происхождении органических существ... С. 56.

³⁸ Там же. С. 471.

³⁹ Там же. С. 472.

⁴⁰ Кудрявцев В. Самостоятельность начала органической жизни... С. 89.

не координируют своих действий и проявляют активность в строго ограниченных рамках, из-за чего не могут произвести ничего нового. Руководствуясь этими соображениями, Кудрявцев не видел возможности по-бергсоновски назначить жизненную силу на роль бессознательного архитектора эволюции.

И все же чтение текстов Кудрявцева оставляет ощущение, что все оговорки по поводу жизненной силы он делает как бы задним числом, *ad hoc*. Локальный, чисто служебный характер жизненной силы, о котором говорит Кудрявцев, плохо согласуется с его же рассуждениями о зачатках разума и духа, разлитых по *всей* природе и пронизывающих органическое царство сверху донизу. Нежелание Кудрявцева видеть в мире раз и навсегда отлаженный механизм, каждая часть которого имеет жестко закрепленную за ней функцию, опять-таки предполагает более широкий, менее функционалистский взгляд на жизненную силу как на творческое, самостоятельное начало. Поэтому нельзя сказать, что, размышляя над понятием жизненной силы, Кудрявцев столкнулся с концептуальными ограничениями, не позволившими выстроить на его основе модель эволюции, более убедительную по сравнению с дарвиновской теорией. Скорее наоборот, Кудрявцев специально ввел такие ограничения, чтобы не дать превратить понятие жизненной силы в подпорку для эволюционизма. Он умышленно сжег мосты между теизмом и эволюционным учением в любой его форме.

Почему же теория эволюции была для Кудрявцева неприемлемой, хотя сам же он указывал на ее совместимость с телеологией, и, следовательно, с верой в Божественный замысел? Вероятно, идея творения через эволюцию казалась Кудрявцеву неоправданно сильным сужением сферы активности Бога в мире. По его мнению, теистические эволюционисты просто нашли благочестивый предлог, чтобы «отделаться» от непосредственных вмешательств Творца. Именно в таком ключе он воспринимал идеи Чемберса: «Автор “Естественной истории мироздания” во всем своем сочинении очень часто кстати и не кстати говорит о Боге, о провидении, о мудрости и благости Его намерений и пр., хотя весь ход его исследований показывает сильное желание устранить из истории мира все сверхъестественное и истинно божественное»⁴¹. Да, на словах эволюция вполне может быть представлена как реализация замысла Божьего, но на деле признание автономности эволюционирующего мира приводит к вытеснению Бога в область потустороннего, вследствие чего вера в Него легко может быть сочтена чем-то ненужным и излишним.

⁴¹ Кудрявцев В. О происхождении органических существ... С. 459.

Невозможность эволюции, протекающей чисто естественным путем (даже при участии жизненной силы), являлась для Кудрявцева залогом того, что представление о Боге-Творце будет по-прежнему востребовано: «коль скоро разум, путем строгих эмпирических исследований, убеждается, что происхождение вообще ли мира, существ ли органических, рода ли человеческого, не может быть объяснено из взаимодействия вещества и его сил, то естественно рождается необходимость признать высшее природы и независимое от нее духовное, творческое начало мира»⁴².

Поэтому вместо того, чтобы связывать эволюцию с действием жизненной силы, разлитой в природе, Кудрявцев считал появление новых биологических видов непосредственным результатом сверхъестественных творческих актов Бога. По его мнению, жизненная сила, будучи бессознательным порывом, не могла бы реализовать столь масштабный план, который лег в основу истории мироздания. «Рассчитанный вперед порядок и разумность исполнения плана могут быть делом не слепого, инстинктивного влечения, но мысли сознательной <...> Но сила духовная, самобытная, свободная, разумная, сознательная, чем иным может быть как не Божеством? И не должны ли мы поэтому признать, что первоначальное происхождение органических существ есть действие этой высочайшей творческой Силы?»⁴³

Многие теистические эволюционисты XIX в. считали, что сверхъестественная активность Бога ограничилась сотворением первых жизненных форм, тогда как их последующая эволюция происходила уже самостоятельно, без чудесных вмешательств (если не считать сотворения человека). Однако Кудрявцев не сомневался, что Бог участвует в мировом процессе гораздо более активно и непосредственно. Вслед за палеонтологом Луи Агассисом (1807–1873) и другими сторонниками идеи множественных творений, Кудрявцев полагал, что Бог время от времени вмешивался в земную историю для сотворения новых видов взамен вымерших. «Сообразно с различными изменяющимися физическими условиями земного шара были творческою силою постепенно вызываемы к жизни различные породы растений и животных, соответствующих своим строением той среде, в которой в данную эпоху мира им суждено было жить»⁴⁴. То, что организмы постепенно сменяли друг друга, еще не означает, что они были связаны узами общего происхождения. Если дворец пришел на смену дому, дом – хижине,

⁴² Кудрявцев В. О первоначальном происхождении на Земле рода человеческого // Православное обозрение. 1860. № 3. С. 361.

⁴³ Там же. С. 475.

⁴⁴ Кудрявцев В. О происхождении органических существ... С. 67.

а хижина – шалашу, пишет Кудрявцев, то это еще не значит, что шалаш путем постепенных преобразований превратился во дворец. Шалаш просто снесли, и на его месте с нуля построили что-то новое. То же самое с последовательностью организмов, о которой свидетельствует палеонтологическая летопись: «Постепенность появления и происхождения организмов не есть еще превращение их одного в другой»⁴⁵.

Точно такие же соображения Кудрявцев высказывал в своей статье 1860 г. «Говорят, будто палеонтология доказывает, что организмы на земном шаре являлись постепенно, начиная от самых простых и восходя к самым сложным и совершенным, в продолжение громадных периодов времени. Положим так: но следует ли отсюда, что если они являлись постепенно и последовательно, то они и происходили одни от других, единственно путем перерождения одних в другие? Очевидно нет»⁴⁶. Сама идея постепенного усложнения живых существ казалась Кудрявцеву в высшей степени спорной. И в статье 1860 г., и в статье 1883 г. Кудрявцев в духе Агассиса и других антиэволюционистов подчеркивал, что уже древнейшие организмы были устроены не менее сложно, чем ныне живущие⁴⁷, из чего следует, что они появились не без помощи Бога. Так что когда Кудрявцев пишет о мировом развитии, то он имеет в виду не эволюцию, то есть преобразование одних видов в другие, а растянутую во времени серию творений.

В посмертно опубликованной статье «Из чтений по космологии», над которой Кудрявцев работал в последние месяцы жизни, вопрос о множественности творений поставлен со всей остротой: «если для объяснения происхождения органического царства необходимо допустить сверхъестественный акт творений силы, то почему мы должны ограничивать этот акт созданием только одной органической формы?»⁴⁸. По мнению Кудрявцева, всемогущему Богу, чудесным образом сотворившему первичную клетку, ничего не стоило время от времени создавать и более совершенные организмы. «Мы очевидно должны допустить не один первоначальный, но несколько последовательных творческих актов, по мере появления во Вселенной живых существ»⁴⁹. Из этих

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ *Кудрявцев В.* О первоначальном происхождении на Земле рода человеческого // Православное обозрение. 1860. № 3. С. 340.

⁴⁷ Там же. С. 340; *Кудрявцев-Платонов В.Д.* Телеологическая идея и материализм... С. 71.

⁴⁸ *Кудрявцев-Платонов В.* Из чтений по космологии: Происхождение мира (продолжение) // Вера и разум. 1892. № 19. С. 300.

⁴⁹ Там же. С. 298.

строк следует, что Кудрявцев сохранял верность прогрессивному креационизму, усвоенному им в юности, до самого конца своих дней.

Заключение

Можно констатировать, что в отличие от ряда зарубежных и отечественных богословов XIX в., склонявшихся к соглашению с эволюционизмом [Серебряков 2019], Кудрявцев оставался на позициях прогрессивного креационизма, отстаивая идею множественных творений. Хотя за первые 30 лет дарвиновской эпохи популярность эволюционизма в научной среде возросла многократно, это так и не поколебало убеждений Кудрявцева, высказанных им в статье 1860 г. Поэтому никак нельзя согласиться с утверждением Т. Оболевич, что «Кудрявцев-Платонов персонально склонялся к признанию теории Дарвина как к правдоподобному объяснению происхождения человеческого вида» [Obolevitch 2019, p. 32]. Да, Кудрявцев был вынужден сделать определенные реверансы в сторону эволюционизма, но, несмотря на наличие концептуального аппарата, позволявшего совместить теорию эволюции с теизмом, он так и не перешел в лагерь эволюционистов. Кудрявцева можно охарактеризовать как прогрессивного креациониста, занявшего умеренно благожелательную позицию по отношению к эволюционизму и допускавшего теоретическую возможность его примирения с религией, но лично так и не воспользовавшегося ей.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 25-28-00373).

Acknowledgements

The research was supported by the Russian Science Foundation, project no. 25-28-00373.

Литература

- Карпов 2024 – Карпов К.В. Антискептицизм В.Д. Кудрявцева-Платонова в трактате «Об основных началах философского познания» и эвиденциалистский вызов религиозным убеждениям // Отечественная философия. 2024. Т. 2. № 4. С. 7–25.
- Лушников 2024 – Лушников Д., свящ. Доказательства существования Бога в естественном богословии профессора Московской духовной академии

- В.Д. Кудрявцева-Платонова (1828–1891) // Христианское чтение. 2024. № 3. С. 95–116.
- Пишун 1996 – Пишун С.В. Православная персонология и духовно-академическая философия XIX века. М.: ООО «Изд-во “Прометей”», 1996. 431 с.
- Рожин 2024 – Рожин Д.О. Функция кантовской теоретической философии в рациональном объяснении богопознания В.Д. Кудрявцева-Платонова // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2024. Вып. 115. С. 119–133.
- Серебряков 2019 – Серебряков Н.С., диак. Отношение русских богословов второй половины XIX – начала XX в. к теории эволюции Ч. Дарвина // Гуманитарное пространство. 2019. Т. 8. № 5. С. 623–635.
- Храмов 2015 – Храмов А. Теистическая эволюция и дарвинизм: от войны к миру // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 4 (33). С. 84–109.
- Храмов 2021 – Храмов А.В. Первая книга об эволюции на русском языке: перевод и рецепция «Следов естественной истории творения» в России // Историко-биологические исследования. 2021. Т. 13. № 3. С. 28–56.
- Чайковский 1989 – Чайковский Ю.В. Первые шаги дарвинизма в России // Историко-биологические исследования. 1989. Вып. 10. С. 121–141.
- Obolevitch 2019 – Obolevitch T. Faith and science in Russian religious thought. Oxford: Oxford University Press, 2019. XIV, 220 p.
- Rupke 2005 – Rupke N.A. Neither creation nor evolution: The third way in mid-nineteenth century thinking about the origin of species // Annals of the History and Philosophy of Biology. 2005. Vol. 10. P. 143–172.

References

- Chaykovskii, Yu.V. (1989), “The first steps of Darwinism in Russia”, *Studies in the History of Biology*, iss. 10, pp. 121–141.
- Karpov, K.V. (2024), “Anti-skepticism of V.D. Kudryavtsev-Platonov in the treatise ‘On the Fundamental Principles of Philosophical Knowledge’ and the evidentialist challenge to religious beliefs”, *Otechestvennaya filosofiya*, vol. 2, no. 4, pp. 7–25.
- Khramov, A. (2015), “Theistic evolution and Darwinism: from war to peace”, *Gosudarstvo, religiya, tserkov’ v Rossii i za rubezhom*, vol. 33, no. 4, pp. 84–109.
- Khramov, A.V. (2021), “The first book on evolution in Russian: Translation and reception of ‘Vestiges of the Natural History of Creation’ in Russia”, *Studies in the History of Biology*, vol. 13, no. 3, pp. 28–56.
- Lushnikov, D. (2024), “Proofs of the existence of God in the natural theology of professor V.D. Kudryavtsev-Platonov (1828–1891)”, *Khristianskoe chtenie*, no. 3, pp. 95–116.
- Obolevitch, T. (2019), *Faith and science in Russian religious thought*, Oxford University Press, Oxford, UK.

- Pishun, S.V. (1996), *Pravoslavnaya personalogiya i dukhovno-akademicheskaya filosofiya XIX veka* [Orthodox personology and the spiritual-academic philosophy of the 19th century], ООО «Izdatel'stvo "Prometei"», Moscow, Russia.
- Rozhin, D.O. (2024), "The function of Kantian theoretical philosophy in the rational explanation of the knowledge of God by V.D. Kudryavtsev-Platonov", *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*, iss. 115, pp. 119–133.
- Rupke, N. (2005), "Neither creation nor evolution: The third way in mid-nineteenth century thinking about the origin of species", *Annals of the History and Philosophy of Biology*, vol. 10, pp. 143–172.
- Serebryakov, N.S. (2019), "The attitude of Russian theologians in the second half of the 19th – early 20th centuries to Darwin's theory of evolution", *Humanity Space*, vol. 8, no. 5, pp. 623–635.

Информация об авторе

Александр В. Храмов, кандидат биологических наук, Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН, Москва, Россия; 117647, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, д. 123;
Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Москва, Россия; 115035, Россия, Москва, ул. Пятницкая, д. 4/2, стр. 1; *a-hramov@yandex.ru*

Information about the author

Aleksandr V. Khramov, Cand. of Sci. (Biology), Borissiak Palaeontological Institute of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 123, Profsoyuznaya St., Moscow, Russia, 117647;
Saints Cyril and Methodius Institute for Postgraduate Studies, Moscow, Russia; 4/2-1, Pyatnitskaya St., Moscow, Russia, 115035; *a-hramov@yandex.ru*